

Сергей Куклев

В голове моей опилки...

(Производственный роман)

2016

Сергей Геннадьевич Куклев В голове моей опилки...

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=24430486

В голове моей опилки...

ISBN 9781772469608

Аннотация

Воспоминания репортера, 20 лет отдавшего профессии. С этой книгой читатель побывает в местах, где вряд ли оказался бы по доброй воле, заглянет в закулисы событий, о которых он слышал лишь мельком, познакомится с людьми, создающими целый мир вокруг себя. Сам автор определяет жанр так: Эта книга про меня и про вас. Про лихие девяностые и крутые нулевые. О любви и страхе, о королях и капустах, кроличьих норах и ангельских крыльях. О моей жизни, которая так причудливо переплелась с вашей. От себя добавим: вас ждет путешествие. В том числе и в глубину собственной памяти

Содержание

КРИЗИС СРЕДНЕГО КЛАССА	7
ЭВЕРЕСТ И ЕГО ОБИТАТЕЛИ	15
Конец ознакомительного фрагмента.	29

Сергей Куклев

В голове моей опилки...

Возможно, это и неправильно, но мне кажется, что название этой книги нужно объяснить. Когда-то Дейл Карнеги (да-да, это тот самый парень, который лучше вас знает, какие вам нужны друзья) написал: «Кто из вас в своей жизни хоть раз пилил опилки? Конечно, никто не может пилить опилки. Они уже напилены. То же самое с прошлым. Когда вы начинаете беспокоиться о вещах, которые уже прошли, вы занимаетесь тем, что пилите опилки».

И вот тут происходит логический парадокс. С одной стороны, старина Дейл, конечно, не может ошибаться при таких-то тиражах. С другой – мне почему-то кажется, что любой человек очень любит свое прошлое, потому что оно только его. В этой интимной комнатке, где горит оранжевый торшер, на диване лежит теплый плед, а в стакане налит портвейн, человеку хорошо. Даже если вокруг дивана стоят неясные тени прошлого, а в платяном шкафу скелеты играют в покер.

Прошлое прекрасно своей неповторимостью, оно и делает нас уникальными. И в этом смысле я не исключение. Думаю, что нет ничего интереснее и удивительней моей жизни. Однако, про нее уже написано. И даже про то, как писалось, тоже написано. Понимаете, какая засада? Я в плену своего

прекрасного прошлого. И это чертовски облегчает мою задачу. Осталось всего лишь красиво разложить опилки на мониторе, чтобы вам уютно было в моей комнате с портвейном и скелетами.

Когда мне было 20, читатели приходили в редакцию в поисках 40-летнего репортера, написавшего «про это такими словами». Глядя на вихрастого парня в свитере, только что вернувшегося из командировки и остервенело бьющего по клавиатуре, они не верили в авторство «таких слов», качали головой и желали удачи. Может, при этом про себя поминали переселение душ, тихонько крестились и пили дома валерьянку – не знаю. Было не до того. На носу – дедлайн, редактор хочет уже читать репортаж, а у меня только-только третья тысяча знаков выползает на экране. Голову поднять некогда, да и незачем. Я снова возвращаюсь туда, откуда приехал два часа назад, чтобы процифровать через мозг и душу события, судьбы, пейзажи и выдать их в утреннем выпуске газеты.

Хотел бы я сейчас снова научиться так неистово чувствовать, писать и жить... Но – мне уже 40, и с журналистикой покончено. Хочется верить, что не навсегда, хотя особых предпосылок для оптимизма нет. Репортер, как скрипач из «Киндза-дза», уже не нужен. Мое ремесло погибло под спудом пресловутого клипового мышления. Кто будет тратить целый час на неторопливые репортажи о местах, где вряд ли окажется, и людях, с которыми вряд ли познакомится? Гораздо проще пролистать ленту соцсети. Там ведь быстро и во

всех ракурсах покажут, что в очередной раз «взорвало Интернет».

Хуже всего то, что нынешний «репортер» должен подать тему под нужным углом, а это уже нечестно. Хочешь остаться честным – будь готов к увольнению (вопреки массовому убеждению, большинство журналистов едва сводят концы с концами, и увольнение для них смерти подобно) или смени профессию, предав предавшую тебя. Очень точно сказал мой первый редактор в журнале «Русский Newsweek» Леонид Бершидский про то, что медиа перестали выполнять свою главную функцию – «защищать слабых от сильных». Сказал – и эмигрировал в Германию.

Мне, в конце концов, тоже пришлось сделать именно так – эмигрировать, но только из профессии. Обидно, ведь 20 лет я только и делал, что писал для своего – как всегда считал – читателя. Однако, предисловие затянулось, но чтобы вы лучше меня поняли, начну с колонки, написанной в последний год моей журналистской карьеры. Наверное, и сам хочу понять, кто я – вынужденный герой или сбитый летчик.

Итак, опилки номер раз...

***

КРИЗИС СРЕДНЕГО КЛАССА

Я смертельно боюсь жизни. Погоня за уровнем существования среднего класса сделала меня заложником, ожидающим публичной казни перед телекамерой.

Ипотека превратила в раба системы. Когда-то казалось, что выбора нет, и ипотечное ярмо не натирало шею. Собственная крыша над головой была благом, а сил тащить воз было много. Теперь каждое 20-е число месяца я обреченно тащусь в банк, чтобы отдать. И каждое 20-е понимаю, что стоит остаться без работы, и уже банк сможет взять. Меня, мой образ жизни, да даже мою правую почку, как бы дорога она мне не была...

Новости, в которые по долгу службы я ежедневно погружаюсь с головой, заставляют виски сесть, виски — пить, а мыслями постоянно возвращаться к жене и дочерям: как они там без меня? И никаких *veni-vidi-vici*, приспособляемость — залог выживаемости.

Полярность сетевых суждений, цифровой суицид, виртуальные изнасилования, вечное предчувствие войны, просьбы о помощи, конфликты интересов, отсутствие какой-то законченной правды — вот мир, в котором я живу и в котором боюсь жить.

За рамками этого мира — семья и близкие. Семью нужно кормить и любить, близких — любить и пытаться сокра-

тить дистанцию. Не отдалиться тяжело, потому что хочется одного: ограничить круг общения диваном и каналом «Дискавери».

Замечаю, что не я один такой. Устав от общения по «Скайпу» и в «Фейсбуке», друзья не спешат принять приглашение в гости. И к себе не зовут, даже если скажешь, что несешь коньяк. У каждого — семья, дом, работа, сон до обеда в субботу и шкала жизненных ценностей, похожая на ценники у соседнего дискаунтера. Обесцененная...

Раньше мы писали стихи и пили вино у костра. Творили безумства, за которые не было стыдно наутро. Мечтали до мордобоя и любили без пожарного выхода. Там, где была лестница, мы съезжали по перилам, там, где стреляли, мы вставали в полный рост. Теперь мы встаем в 7:30. В своем вечном самокопании сравниваем, уравниваем. Урываем. Зарываемся. Пьем в одиночку, любим одиночество, живем в одного. Смерти не боимся — ее нет, а жизнь — пугает до депрессии. Блокировка кредитной карты — как серпом по амбициям. Вечер пятницы — словно утро выпускного...

Часто думаешь, где тот юморной и беззаботный я, которому море было по колено, а проблемы — по щиколотку? Где мы? Почему продали свои огни, воды и медные трубы? За что?

Психиатр объясняет про ответственность, про отношение к жизни, про то, что все перемелется, и мука будет. Говорит про кризис среднего возраста и выписывает фенотарби-

тал, по две штуки на ночь. Я настаиваю: это кризис среднего класса, выбрасываю таблетки в унитаз и иду за пивом...

***

Депрессия хороша тем, что имеет свойство периодически оставлять человека. Тогда он бесшабашен, весел, сорит деньгами и целуется врасос. Кому-то для такого состояния достаточно вовремя полученной зарплаты, кому-то любви, ну а мне хватало новых острых ощущений. Из-за этого я и пошел в репортеры, хотя до последнего был уверен, что стану учителем русского языка и литературы. По крайней мере, такую стезю мне готовил родной Челябинский госуниверситет.

Люблю вспоминать годы учебы. Они пришлись на те самые тяжелые 90-е. Странное время. Гораздо более эгоистичное, чем пресное сегодня. Я имею в виду то, что каждый мог себе позволить делать все, что хотел. Наемные убийцы – убивать, юные бизнесмены – обманывать и обманываться, странные парни, потерявшие в 80-х и не обросшие жирком к 90-м – вроде меня – писать стихи, пить пиво на центральной городской площади, ну и учиться, конечно. С одной стороны, это давало отсрочку от армии, с другой – глупо было не получить высшее образование, пока оно не стало платным.

В университет я поступил легко – с тремя «пятерками» за все экзамены. Все потому, что за два года до окончания

школы попал в первый в городе лицей. Тогда еще никто не знал, чему должно учить лицеистов, поэтому занятия проходили на базе университета, и к моменту поступления в моей голове осела, в сущности, учебная база двух курсов.

Я очень плавно и безболезненно сменил школьную форму на студенческие джинсы. Осталось только понять, как провести ближайшие пять лет максимально весело. Это оказалось несложно. Представьте: филфак, 120 студентов на потоке, из них только восемь молодых людей, остальные – фривольные дамы. Помимо интрижек и романов, большая часть мужского населения нашего потока увлеклась хоровым пением в фольклорном коллективе. Не скрою, влились мы в него не только из-за красоты казацкой песни и городского романса, но и по причине доступа в помещение для репетиций – ТДКС. До сих пор не знаю, как расшифровывается эта аббревиатура, но отлично помню, что в «тадике», как мы называли эту обширную комнату с четырехметровым потолком, лежали балалайки и дудки, барабаны и гитары, имелась посуда, самовар и пианино. Остальное мы несли сами, благо до ближайшего пивного ларька от здания университета было метров двести. Довольно скоро выяснилось, что шарообразные плафоны, висящие на историческом факультете (наш корпус совмещал филфак и истфак), вмещают ровно пять литров пива. Итак, кто-то громоздился коллеге на плечи, отвинчивал плафон и передавал вниз. Оперативная бригада получала деньги и бежала к ларьку, попутно заходя в

булочную за бубликом. Бублик – это важно. На него ставили плафон, не в руках же его держать. Потом, дабы не оставлять улики, отслужившую емкость пускали в свободное плавание по реке Миасс и закидывали камнями. Через несколько месяцев истфак освещали голые лампы. Осталось добавить, что репетиции проходили раз в одну-две недели, а в другие дни хозяевами «тадика» были мы, такие дела.

Отсидев важную лекцию профессора (на осколки советской образовательной системы вроде «Истории советской прессы» мы не ходили принципиально), наш крепкий коллектив собирался в «тадике» и до ночи в опустевшем корпусе универа раздавались голоса, бряцание гитары и прочая аморальщина. Мы делились планами, смотрели в будущее, соревновались в смелости. В общем, вели себя, как примерные студюзусы из гоголевского «Вия». Часто в ТДКС и ночевали на столах. Утром снова бежали за пивом, и круг замыкался.

...И все-таки сейчас я часто задаю себе вопрос: как мы выжили? За других говорить не буду, но наша семья тяжело пережила 90-е. Отец ввязался в сомнительную авантюру, однозначно похожую на финансовую пирамиду. Его оправдывает то, что он работал персональным водителем создателя пирамиды, то есть был ближе к телу. Но совершенно непонятно, за каким чертом он убедил всех домочадцев (и меня в том числе) в необходимости продажи квартиры и перемещении немалой суммы в карман его работодателя. Дальше –

классика. Пирамида накрылась, основатель улетел покорять берега офшорных стран, а мы остались без жилья. Зимой. В 90-е, когда зарплату могли выдать и продуктами производства предприятия. Хорошо, если колбасой, а если тазиками?

Хочу заметить, что уныние никогда не просачивалось сквозь железобетонную броню батиной уверенности, он устроился в ЖЭК и начал отрабатывать стаж, чтобы получить служебное жилье. Но несколько лет мы жили на квартирах у родственников и друзей. Мое место обычно было на кухне, на диванчике, под которым лежали учебники. Рядом – табуретка с магнитофоном и пепельницей. В голове – литература средневековья, в кармане – нож и ключ от «тадика». Утром позавтракаешь банкой пива с сигаретой – и на занятия, а к вечеру кривая вывозит порой в такие загадочные дали, что однажды перестаешь строить планы и отдаешься течению.

Кстати, о течении. Однажды гужевали мы на съемной квартире у моего близкого друга Женьки. Денег было не ахти, поэтому купили водки, каковая в то грозное время изготавливалась во вселенских масштабах из любого сырья, способного валить с ног. В нашем случае напиток имел изысканный запах одеколона – видимо, чтобы замаскировать сивушную вонь. Выпили, закусили макаронами, еще выпили, дальше пробел, а наутро мы с Женькой не смогли оторвать головы от подушек, настолько тяжелым было похмелье. Ползком (и это не метафора) я добрался до кухни и снял с плиты

остывший чайник. Он был полон, и нам хватило его на двоих. Вырвало, конечно, зато стало гораздо легче. О, благословенная юность... Сейчас я бы еще пару дней не помышлял о том, чтобы выйти из дома, а тогда мы переглянулись и отправились на лодочную станцию, купив по дороге пивка.

Водные путешествия, как учит нас Джером К. Джером, считаются прекрасным средством для угнетения хандры и оздоровления. Мы взяли лодку напрокат и бодро погребли к середине Первого озера. Прохладный ветер быстро выгнал похмелье из головы, ноги, погруженные по щиколотку в обжигающую воду, сладко ныли. Погруженные – потому что в нашем плавсредстве обнаружилась дыра. Ее мы нашли и заткнули носком, но вот воду вычерпать было нечем. Через какое-то время заметили странное оживление на берегу. Завыла сирена, и люди стали махать руками. Наверное, что-то случилось, но тут Женька заметил, как в опоры ЛЭП бьют молнии. Мы немного понаблюдали за буйством стихии, а потом поняли, что очень скоро попадет и в нас.

Полузатопленная лодка шла к берегу не очень-то ходко, а вот чернильные, в каких-то осьминожьих завитках тучи, напротив, нагоняли нас уверенно. Оставалось каких-то сто метров до берега, и тут начался град, шквал и полный Айвазовский. Лодку моментально перевернули волны, вплавь мы добрались до земли. Через полчаса вакханалия закончилась. Думаете, на подгибающихся ногах и с колотящимися сердцами мы долго еще переживали налет шторма? Нет, вы-

жали джинсы и отправились в ларек в поисках контрафактного спиртного. Весело было, но иногда я спрашиваю себя: как мы выжили?

В продолжение темы о веселье и выживании добавлю к моим опилкам еще одно воспоминание. В 2005 году репортаж о треке к базовому лагерю на Эвересте первоначально был размером в 28 страниц «Ворда». После редакторской правки осталось всего шесть, журнал-то не резиновый. Жалею, что не сохранил первую версию, зато пришлось потом вспоминать все заново и получилось... веселее.

***

ЭВЕРЕСТ И ЕГО ОБИТАТЕЛИ

Как-то мы с фотокорром Андреем по затейливому заданию редакции добрались до базового лагеря на Эвересте. Три недели провели в Непале, три недели мечтали вернуться в оттаивающую мартовскую Москву. Непривычен нам гималайский быт. Впрочем, я немного брюзжу. На самом деле не хватало только душа, пельменей и воздуха. «Высота убивает медленно. Берегись!» – так было написано у входа в Сагарматха нэшнл парк. Мы береглись по мере сил, хотя однажды чуть было не встретились с особенно близким в горах Создателем во время перехода, который по самым скромным подсчетам занимает двое суток, а не десять часов...

Отель «Роял Сингхи» в самом центре Катманду встретил нас кондиционированной прохладой. «Андрей, ты какие языки знаешь?» – задумчиво спросил я фотокорра, шевелящего босой пяткой на кровати в номере. «Никаких», – задорно ответил Андрей и начал разбирать тяжеленный рюкзак с фотографическим стеклом и железом. «Плохо...» – так же задумчиво протянул я, наблюдая в окно, как из пыльного зеленого джипа вываливаются вооруженные солдаты. Я более или менее понимаю три языка, но ни на одном не говорю бегло. А тут... Мы летели 12 часов, здесь гражданская война, король Гьянендра и никакой надежды на проходящие через Бологое электрички.

Звонок в номер: «Хелло, внизу вас ждет проводник». На ресепшн действительно ждали. Трое непальцев в кожаных куртках, узкоглазые, темнолицые и деловые. Этакие братки. Познакомились, аккуратно пожали руки – в Непале свежи еще предрассудки насчет нехватки туалетной бумаги и использования подручных или – на крайний случай – ручных средств для подтирки.

Да ладно, в базовом лагере нам пришлось пить чай из воды напополам с мочой яков, которые вереницами таскают грузы из долины в горы. Облегчаются они по пути, вода – из гигантского ледника Сола Кхумбу, который тащится от долинной части Непала до самого Эвереста. Вот и приходится пить то, что есть. Вертолеты с «Кока-колой» тут не летают. Один Ми-8 вот отлетелся – лежит сейчас брюхом вверх у самого базового лагеря. В нем теперь Новый год отмечают те, кто готовится к восхождению в декабре. Лентами украсили, трехцветными буддистскими флажками. Внутри – запустение и пустые канистры из-под спирта...

Так вот, братки на ресепшне собрались, чтобы обсудить маршрут, а заодно понять, чего же этим странным русским с бритыми головами надо. Глава принимающей турфирмы счел за честь лично встретиться с неприязнительными клиентами. Лично отметить места ночлега, питания и прочего сервиса. Небрежно постукивая сигаретой о край пепельницы в подлокотнике зеленой кожи кресла, я заявил, что ничего нам из сервиса не надо, люди нас интересуют, безумцы, тра-

тящие массу денег, времени и здоровья на восхождение. Директор напрягся и еще раз переспросил на мяукающем английском. Я заверил его, что все так и есть. Тогда он с трудом поднялся из кресла, широко махнул рукой и сказал: «Ит ыз ё гайд!» Неприметный парнишка, разглядывающий до того открытки на стойке, подбежал и, заглядывая в глаза, представился. Я даже не понял, что он сказал...

На следующий день мы сели в самолетик – бывший французский бомбардировщик – и отправились в Луклу, чтобы оттуда начать наше путешествие по Гималаям.

В долинной части Непала спокойней. Крестьянский быт, зелень, бьющая в глаза, кусты с ярко-красными цветами – одним из символов страны. Если я правильно понял, то цветы эти не что иное, как суданская роза, впрочем, за верность этого утверждения не ручаюсь. Проводник бодро попер в гору. Увидев, что журналисты задыхаются с непривычки, перешел на спокойный шаг. В горах он преобразился и стал уверенней и непринужденней. «Слушай, меня зовут Сергей, это – Андрей, а как тебя зовут, только покороче, типа Сергей, Андрей?» – задал я мучающий меня вопрос, ведь с этим худеньким парнишкой нам предстоит провести три недели. «Анг Нуру, – сказал он. – Можно просто Нуру». О'кей.

Нуру оказался большим приколистом. Первые пару дней он пытался услужить. Вечерами старательно выпытывал, принести ли нам тазик с горячей водой в номер гостинички-«лонжи» или вынести его на улицу. Нам, выросшим еще

в советские времена, такое низкопоклонство казалось глупым и вычурным. Пришлось провести с Нуру воспитательную беседу и объяснить, что крепостное право в России отменено давным-давно. Тогда наш «гайд» осмелел и позволял себе вечерами пропадать в компании с другими шерпами-проводниками.

Да, шерпы... Это особое племя – тибетцы, в свое время перевалившие через гималайские хребты и обосновавшиеся в долине Сола Кхумбу. Выносливые, живучие и неприхотливые, как белки. Если нам вечно не хватало еды, то Нуру довольствовался лепешкой из порошкового картофельного пюре, сдобренного куском масла и огромной порцией жгучего перца. Есть это невозможно, но Нуру, приговаривая «В перце – сила шерпа», поглощал это адское блюдо и бодро шел дальше.

Ветровка «North Pole», ботинки «Salomon», шапочка, ковбойский платок от пыли, прямоугольные очки, рост 160, рот до ушей – вот вам портрет Анг Нуру. Его настоящие глаза я увидел, когда на третий или четвертый день мы впервые подошли к тому месту, откуда можно увидеть вершину Эвереста. «Сагарматха...» – выдохнул проводник. Без понтов, с жалостью, с ненавистью, со всей силой своей шерпской естественности. У него на Сагарматхе погиб брат – провалился в замаскированную снегом ледяную пропасть. Теперь Нуру и ненавидит священную гору, и поклоняется ей.

«Знаешь, какие они оттуда приходят?» – спросил он меня

на вершине горы Калапаттар. «Кто?» – не понял я. «Ну люди, мертвые...» – ответил Нуру. И продолжил: «Их перемаывает ледник. Они могут лет двадцать сползать с вершины вместе с ним. Потом то, что осталось, мы складываем в мешки и уносим...» Невыносимое на высоте солнце заставляло его щуриться сильнее, чем обычно. Кажется, под стеклами очков что-то блеснуло. Слеза от ветра или в память? Брата его так и не нашли...

Он еще ловко скакал по камням, наш Нуру. Брал на себя заботу по поиску ночлега, чтобы не «кинули». Заработать деньги в Непале можно двумя способами: либо начать производить глиняные кирпичи, которых вечно не хватает, либо таскать туристов или их груз к Эвересту. Поэтому «кидалово» процветает. Могут продать кружку чая, заваренного из использованного уже пакетика, по цене пачки сигарет. Нуру это дело пресекал безжалостно и кормил нас, гигантов по сравнению с полутораметровым «гайдом», на убой (по его понятиям). Все – чтобы мы дошли, это ведь маржа...

...Потом в Катманду мы договорились, что встретимся. И – самое интересное – мы встретились. Нуру оказался, по нашим понятиям, «upper middle class». У него есть дом – редкость в Катманду. Более того, он имеет возможность сдавать часть его. В общем, деньги водятся.

Нуру подъехал за нами в «Роял Сингхи» на мотоцикле. Ну, это так называется, мотоцикл. На самом деле – это мопед с 75-кубовым движком. Но имя пышное – «Хонда». Ан-

дрей с Нуру на «Хонде», я – сзади на такси. Подъехали к той части непальской столицы, которая вряд ли найдется в туристических путеводителях. Темно, фонарей нет, а проходы между домами такие узкие, что мы – северяне – шоркали об стены плечами. За обнесенным забором из сетки рабицы – дом Нуру. Одноэтажная хибара, впрочем, они почти все здесь такие. Люди боятся землетрясений и пытаются распластаться на почве. Откуда-то сверху лает собака. «Я когда ухожу на треккинг, – пояснил «гайд», – оставляю ее на крыше». «А не подойдет без еды?» – иронично скосил я бровь. «Не, не подойдет. Она месяц может так. Да и жильцы выходят из дома, ей что-нибудь бросают». Подивившись на непальские премудрости в деле обращения с животными, мы вошли в дом. «Сергей, – (у Нуру почему-то получалось «Сеей»), – я приготовил тебе суккути, ты ведь его любишь. А еще я купил ром, тебе он тоже понравился». Прекрасный Нуру... Мяса и в самом деле всегда не хватало, нет его в горах, там каждая корова работает на переноске грузов, пока в прямом смысле не откинет копыта, потом уже ее едят. А суккути – это порезанная в лапшу говядина, пережаренная с луком, специями и помидорами – ужас диетолога. Местный ром «Кхукри» вполне съедобен после второй стопки. После пятой – это уже практически амброзия, очень уж духовит. Поели-попили, выяснили, почему Нуру упорно учит японский язык. Оказалось, что наш ушлый парнишка, едва разменявший «четвертак», надеется таким образом клеить дев-

чонок в европеизированной части Катманду, представляться собирается туристом из Японии. Молодец...

В районе двух ночи Андрей сказал, что ему пора в гостиницу спать, дескать, завтра с утра он поедет снимать похороны. Нуру отвез его на мотоцикле, а я в это время рассматривал обиталище. Комнатушка, кровать сантиметров 20 в высоту, столик немного повыше кровати, индийские плакаты, стерео с неудобоваримыми для русского уха песнями, телевизор с чудовищными в своем натурализме роликами о личной гигиене (эта проблема, в самом деле, остро стоит в Непале). Нуру вернулся: «Сергей, а почему ты не доел суккути?» «Я тебя ждал, у нас не принято, чтобы в одиночку пить и есть». Нуру задумался о странной стране Россия. А до этого мы уже ему показывали фотографии зимней рыбалки. Похоже, он так и не поверил, что озеро может оказаться под толщей льда, на которую можно встать без опасений провалиться, и длится такая жуть почти полгода...

Настало и мне время ехать в гостиницу. Спать. «Нуру, а давай я буду вести, а ты сзади посидишь», – попросил я, едва ворочая языком после «Кхукри». «Давай», – согласился он. Я завел «Хонду» и с трудом вывел ее из узкого лабиринта дворов. Погнали. Существенно мешало то, что в Непале левостороннее движение, так и тянуло на встречную полосу. Ночное Катманду – это спящий монстр. Тотальная экономия не позволила натывать через каждые 50 метров фонарей, и поэтому путь наш освещался только скудным и помаргиваю-

щим фонарем «мотоцикла». «Стой, Сеей», – неожиданно заорал Нуру. Что такое? Перед нами – военизированный патруль: скоро непальский Новый год, поэтому местные «гаишники» с автоматами шерстят всех подряд.

Нуру пересел за руль. Выписывая синусоиды, наше транспортное средство пересекло линию взгляда солдат. «Садись опять», – Нуру, покачиваясь, вылез из седла. Это повторялось еще пару раз: едва завидев патруль, мы менялись местами, а потом снова проводник давал мне возможность ощутить, что же такое бешеная гонка на мотоцикле по темным улицам столицы затерянного в Гималаях государства.

Подъехав к гостинице, я спросил из интереса: «Покажи свои права». Нуру вытянул из кармана какую-то бумазейку, больше похожую на отксеренную «левую» московскую регистрацию. Вглядевшись, я понял, что на фото не мой Анг Нуру, а какой-то другой. Гораздо старше, гораздо усатее, много европеоидней. «Это мой брат, – спокойно заметил шерп. – Моя мама может ездить, я могу ездить по этим правам. У нас такие правила». «Закачавшись полутора литрами рома», – добавил про себя я. Нам не понять гималайские нравы...

Пока я курил у входа в «Роял Сингхи», мимо прошли две проститутки: «Мистер, лав?» «Ноу», – мрачно ответил я. На завтра предстоял визит к йогам, время и алкоголь уже зашкаливали за 2 промилле и 5 утра. Нуру уехал, выписывая кренделя передним колесом и нещадно коптя некачественным бензином небо. Андрей спал, как младенец, положив

руку на зарядник фотоаппарата. В ноутбуке сияла последняя открытая фотка – Эверест. Ложась спать, я выдохнул: «Сагарматха...»

Все это случилось уже потом, после возвращения из базового лагеря на Эвересте и с вершины Кала-Паттара, после пяти дней обратного пути, когда Сагарматха магнитом вцеплялась в спину и не отпускала в мутную цивилизацию. А первое время в Катманду мы с фотокором Андреем чувствовали себя из рук вон плохо: пыль, жара, непонятный запах. Но прогуляться по столице Непала хотелось. Отправились ночью. Не лучшая идея в стране, где идет гражданская война, но нам было все равно, ходить по ночным улицам российских городов в 90-х было на порядок опасней. Портье гостиницы попытался нас образумить, но мы твердо стояли на своем; он открыл дверь и тут же запер ее за нами.

Фонари в Катманду – только в предназначенном для туристов районе. Зато на остальной территории – тьма-тьмущая. Впрочем, мы были готовы и с карманными фонарями устроили охоту на беснующихся цикад, которые, как и мы, радовались наступившей прохладе.

Катманду – это муравейник. Издалека кажется застывшим монолитом, зато вблизи видно, что из окон квартир из-под жалюзи, закрытых днем и ночью, выбивается голубое сияние телевизоров. Кафешки «для местных» работают чуть ли не до полуночи, ведь вечер – время отдыха для отработавших весь день непальцев. В одну из таких мы и вошли.

Сказать о непальской кухне просто – никакая она, такая же неприхотливая, как и местные кулинары. Деликатесом считается «момо» – готовится, как манты, варится, как пельмени. Только внутри – сплошные специи, а снаружи – хитро изогнутый хвостик. Изгибают его в зависимости от начинки, но я, если честно, так и не разобрался в ассортименте момо, хотя их, по словам поваров, около 40 видов, различий я не почувствовал. Суп из змей здесь не варят, пауков не жарят. Суп и чай, кстати, похожи, как близнецы-братья. Оба делаются из порошков, заключенных в цветные банки. Нужно постараться, чтобы отличить эти банки друг от друга. В горах поступают еще проще: давят чеснок в миске, солят и заливают его кипятком – «гарлик суп» получается.

С поварами мы разговаривали долго. Отчасти этому способствовала бутылка рома, отчасти любопытство фотокора, изведшего на кухне гигабайт памяти. Между прочим, душевные люди эти непальцы. Общаясь исключительно жестами, мы обсудили все нюансы международного положения, рассказали об Урале, посмотрели выразительную пантомиму о моде на трансвеститов в Непале. Распрошались совсем за полночь. Разбудили спящего портье, с удивлением вспомнившего постояльцев. Сбросили вспотевшие майки. Все-таки в Катманду душно...

Приятно было вспомнить о равнинных встречах в Катманду на высоте порядка четырех тысяч по дороге к базовому лагерю у подножия Эвереста. Там есть очень неприятный

перевал из долины Чхукунг, если я правильно помню названия. Почти отвесный, нагретый солнцем и такой длинный, что забраться на него не решаются делегации полновесных американцев или те, кто решил приехать в Гималаи с детьми. Ни мне, ни фотокору, честно говоря, не хотелось лезть по круче. Мы как раз пили чай (вернее лимонный порошок, разведенный в кипятке) в лодже перед перевалом. «Камон, Сей», – тормозил Нуру, наш проводник. «Да погоди, дай отдышаться», – отнекивался я, понимая, что Нуру прав: еще полчаса, и усталые ноги одеревенеют, а легкие, едва приспособившиеся к темпу подъема, опять начнут гореть на вдохе. Надо идти с небольшими перерывами. Каждое утро, когда мы выходили на маршрут, первые полчаса хода были самыми мучительными. Мозоли притирались к носкам, мышцы неохотно разогревались, глаза медленно привыкали к солнцу. Ничего хорошего нет и в том, что в 30-40-градусном пекле нельзя раздеться. Шли в темных очках, подняв воротники курток, в перчатках и опустив «уши» кепок. Иначе мощный поток ультрафиолета на такой высоте за несколько минут обожжет кожу до волдырей. Даже Нуру, проживший здесь всю свою жизнь, пользовался кремом от загара.

Перед неприятным перевалом я увидел маленькую старушку в очках, в совершенно дачном плащике и панаме. Не отвлекаясь на чай, она медленно полезла в гору. «Надо взять интервью», – автоматом пронеслась мысль. Вот бабушка уже поднялась метров на сто и скрылась за валуном, а я все пил

чай, ни на секунду не сомневаясь, что настигну потенциальную интервьюируемую леопардовым скачком. Через три часа, когда мы, совершенно выдохнувшись, присели на камень на вершине перевала, бабушки и след простыл. Хотя было бы интересно поговорить с ней именно здесь, в своеобразном мемориале погибшим на Эвересте экспедициям.

Гигантское плато, сжатое с боков скальными стенами и обрывающееся перевалом, уставлено пирамидками, сложенными из камней. Каждая – экспедиция, в которой погибли люди, к каждой прислонен камень с выбитыми именами. Как предостережение идущим дальше. Экспедиции, в основном, интернациональные по составу. Среди американских, французских и немецких видны и русские фамилии. В 2006 году на Эвересте погиб россиянин Игорь Плюшкин. Не знаю, успели ли поставить ему памятник в этом самом мрачном по пути к Эвересту месте.

Бабушку мы встретили в Лобуче. Добравшись до лоджи, упали на кровати, пока голод не погнал нас в столовую. Пока ждали ужина из «гарлик супа» (ели его постоянно, очень полезно, по утверждениям Нуру) и лапши, я побежал в соседнюю лоджу, чтобы купить воды в магазинчике. А вот там и увидел Габи, так звали бойкую немку, которой уже под 70. Позвал Андрея, выбрались на природу. «Как же вы, Габи, решились на такой поход?» – уважительно спросил я. «Голубчик, я всю жизнь занималась альпинизмом, – весело ответила Габи, не отрывая взгляд от солнца, погружающегося

за гималайские пики. – Мои дочери и внучки выросли. Теперь, конечно, я не могу себе позволить лазить по скалам, но треккинг вполне по силам». Выяснилось, что немка не может позволить себе штурм отвесных стен по одной простой причине – у нее в переломанную ногу вставлены стальные спицы. Вот так...

А канадца Ларри мы встретили уже в базовом лагере. Рано утром выползли из палатки пораньше, хоть и не спали всю ночь. Внутренние непромокаемые скаты от дыхания обросли пушистым снегом, который утром стал комками падать на лицо. Мы знали, что будет холодно, напялили на себя всю одежду и влезли в спальники в ботинках. Ночью переворачивались с боку на бок по команде, слушали, как взрывается под нами трещинами ледник Кхумбу, на котором стояла палатка, и падают лавины. Под этот аккомпанемент заснуть было невозможно, хотя Нуру и успокаивал: мол, если мы слышим, как «стреляют» трещины, это мелочи, они могут образовываться и за километр от нас, а лавины, ну, что лавины, мы же не под стеной находимся.

Продрогшие, мы стояли на солнце и отогревались. Нуру готовил чай, взяв воду из ямки, куда успели помочиться яки, носильщики вытряхивали снег из палатки. Вдруг я заметил, что по леднику, круто уходящему вверх, к Эвересту, спускаются едва заметные фигурки. Андрей сменил объектив на телевик и сообщил, что это люди. Мы побежали к ним навстречу. Напрасно: они были так далеко, что прошло часа

два, прежде чем они дошли до базового лагеря. Тут сложно оценить расстояние. Гималайские масштабы не укладываются в голове: вроде видишь оранжевую палатку, идешь к ней полчаса, а это оказывается здоровенный шатер человек на 20. С горами еще сложнее: находясь на высоте 5 500, приходится убеждать себя, что вон тот холмик выше на два километра, просто до него не близко.

Жизнь базового лагеря похожа на обычную походную. Кто-то ставит палатки, кто-то готовит еду на всех, отдельная бригада копает яму для туалета, ведь жить в базовом придется долго. На подготовку снаряжения и акклиматизацию уходит по несколько месяцев...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.